

ГЛАВА 20. БЕССМЕРТНЫЙ ПРУД ЦЗИНЧЖЭНЬ

— Слушай, девчонка... ты и впрямь уверена, что сможешь прикончить её одним ударом?

— Да не дёргайся ты, всё будет в лучшем виде!

Глядя на её самодовольную физиономию, я невольно сглотнул.

Ещё пару часов назад мы с Хуэй решили, что единственный способ исцелить ту безумную бестию — это отнести её к бессмертному пруду Цзинчжэнь. Вот только наша «пациентка», похоже, окончательно лишилась рассудка: она перестала узнавать своих и принялась кидаться на всё живое. Мы и сами чуть не стали её обедом.

Сейчас мы кружили неподалёку от её бывшего дома. Там, под густой сенью изумрудной листвы, раскинулось нечто жуткое — огромный клубок иссиня-чёрных корней и лиан. От бамбуковой хижины не осталось и щепки: бестия сожрала и разнесла всё в пыль. Мощные отростки, казалось, обладали собственным разумом — они чутко ловили любое движение, мгновенно обвивали неосторожную жертву и тащили в разверстую пасть, где острые, деформированные зубы рвали плоть на куски.

Стало ясно: по-хорошему она не пойдёт. И тогда Хуэй предложила план.

Как она призналась, корни — это «ахиллесова пята» Цзаньби. Если срезать основное корневище и сохранить его, бестия лишится магических сил и вернётся в истинный облик — станет обычным цветком. Тогда она перестанет быть опасной.

Но были и две проблемы.

Во-первых, если отсечь корни, Цзаньби умрёт ровно через три дня. Этот способ — крайняя мера, означающая, что поход к пруду Цзинчжэнь должен стать триумфом или посмертным конвоем. Ошибаться нельзя.

Во-вторых — и это касалось нас здесь и сейчас — добраться до нужного места было почти невозможно. Бестия так плотно окружила себя живым щитом из гибких, чувствительных стеблей, что подойти на расстояние удара было чистым самоубийством. Она ведь не дура, чтобы подставлять самое сокровенное.

Выход оставался один: кто-то должен стать приманкой. И этим «кем-то» назначили меня.

Разумеется, я пытался спорить.

Но Хуэй лишь фыркнула:

— Толку от тебя как от небожителя — ноль! Хотя в качестве наживки послужишь, и то хлеб. А ты ещё и кобенишься?!

—... Нет, девчонка, просто ты слишком высокого обо мне мнения.

— То-то же!

Перед самым выходом я всё же не удержался и обернулся:

— Послушай, только давай порезвее... Я как-то не горю желанием проверять на себе остроту зубов твоей сестрицы.

Она гневно посмотрела на меня своими округлившимися золотистыми глазами:

— Поняла я, поняла! Ты уже сотню раз это повторил, не зуди!

С этими словами она бесцеремонно ухватила меня за ворот, приподняла и точным пинком вышвырнула на открытое пространство.

Стоило мне коснуться земли, как несколько иссиня-чёрных плетей, словно почуявшие кровь демоны, со свистом рванулись в мою сторону.

Я, конечно, не собирался покорно ждать участи. Ловко уклонившись от первой атаки, я бросился прочь, едва не пересчитывая носом кочки.

По всей поляне, словно живые вены, вздувались чёрные тросы. Рёв водопада заглушал звуки, но я кожей чувствовал, как за спиной с хлестким свистом рассекается воздух — враг был всё ближе. Сердце колотилось в горле; мне приходилось не только петлять, избегая ударов, но и следить, чтобы не поскользнуться на влажном мху.

Моя задача была проста — отвлечь всё внимание на себя, чтобы Хушой нашла лазейку.

Но, видимо, слаженности нам катастрофически не хватало. Не успел я толком раззадорить монстра, как девчонка сама спикировала вниз, да так неудачно, что притянула на себя добрую половину лиан. Ей пришлось самой спасаться бегством, и она ещё нагло вопила:

— Почему они все на меня кидаются?!

Хотелось крикнуть, что бестия просто выбирает добычу посочнее, раз её магические силы выше моих, но времени на препирательства не было — спасти бы собственную шкуру.

В конце концов, прижатая к самому склону Хуюй швырнула мне кинжал.

— Я не могу подобраться! — крикнула она. — Сама давай!

«Я?!»

Перекатившись через голову, я перехватил рукоять. По лицу катился пот, я кружил по поляне как ошпаренный, пытаюсь сообразить, куда бить.

— Девчонка! Я не знаю, где это место!

— Позади неё! Самый короткий ярко-зелёный побег!

«Короткий зелёный побег».

В голове, охваченной лихорадочным жаром, остались только эти слова.

Я нырнул в самую гущу смертоносных плетей. Ткань одежды затрещала, кожу на руке обожгло резкой болью — одна из лиан всё же зацепила меня, — но я не сводил глаз с центра сплетения, выискивая зелень.

И вот, когда дыхание уже почти прервалось, я увидел его — тонкий изумрудный стебель.

Мир вокруг вдруг странно затих, хотя я знал, что это лишь иллюзия.

Пригнувшись под градом яростных ударов, я прорвался сквозь заслон. Воздух вокруг потемнел — иссиня-чёрная масса обрушилась сверху, закрывая свет, словно тысячи ядовитых змей разом решили нанести финальный удар.

Зажмурившись, я мёртвой хваткой вцепился в зелёный отросток, вонзил кинжал и резким движением перерезал его.

Всё закончилось в один миг.

Я втянул голову в плечи, ожидая, что меня сейчас раздавят, но вместо этого почувствовал, как чьи-то руки тянут меня вверх. Это была Хуюй.

Воцарилась абсолютная тишина. Яростное движение прекратилось, чёрные корни обмякли, превратившись в безжизненные деревяшки. Я осторожно коснулся одного из них — никакой реакции.

Заметив моё оцепенение, Хуюй подошла и чувствительно крутанула меня за ухо:

— Чего застыл? Уходить надо!

— Девчонка, что с ними? — спросил я, игнорируя боль.

Она бережно спрятала зелёный стебель в широкий рукав и с грустью посмотрела на замерший лес:

— Лишившись корня, они вернулись в естественное состояние. Через три дня всё это окончательно засохнет.

— А твоя сестра?

Хуюй медленно раскрыла ладонь. На её руке лежал иссиня-чёрный пион. Цветок выглядел беззащитным и вялым, лепестки начали подсыхать.

«Это она?» — я никак не мог сопоставить ту безумную фурию с этим крошечным растением.

Девчонка печально кивнула:

— Отсечение корней уничтожило три тысячи лет её совершенствования. Если не спасём её за три дня, она умрёт.

Я неловко похлопал её по голове, пытаюсь утешить:

— Обязательно спасём, не переживай.

Хуюй посмотрела на меня своими золотистыми глазами. В них на миг вспыхнул странный огонёк. Внезапно она решительным жестом прижала цветок к моей ладони. Тонкие, острые шипы мгновенно впились в кожу, пуская корни прямо в моё тело. Пион тут же чуть расправился, почуввав жизнь.

От неожиданности и резкой боли я едва не взвыл. Прижимая кровоточащую руку к груди, я прошипел сквозь зубы:

— Ты что творишь?!

Хуюй лишь лукаво прищурилась:

— Пользуюсь случаем. Моей сестре сейчас очень нужна твоя энергия.

— А своей поделиться не судьба? — я сердито дёрнулся, намереваясь вырвать цветок, но она тут же вцепилась в мою руку.

Девчонка надулась и принялась ковырять носком сапога землю:

— Я же не цветочный демон! Мою энергию она просто не усвоит... Ну что ты за божество такое мелочное? Тебе что, жалко немного соков для «прививки»?

«Прививка... Ты меня за кого принимаешь? За удобрение для элитного риса?»

Я лишь горько усмехнулся и, сдаваясь, положил ладонь ей на макушку:

— Ладно, ладно. Полетели скорее, нельзя время терять.

Она просияла, обнажив в улыбке жемчужные зубки:

— Вот это другой разговор!

— С тобой свяжешься...

Хулой скорчила мне уморительную рожицу, подхватила под локоть и легко оттолкнулась от земли. Мы взмыли ввысь.

Небо сияло первозданной лазурью.

Сколько бы лет ни прошло, чувство полёта всегда наполняло меня восторгом. Прорываясь сквозь тугие потоки ласкового ветра, купаясь в золотистых лучах солнца, я наслаждался свободой.

Тёмные лепестки на моей руке чуть подрагивали, ловя встречный воздух. Боль притупилась, сменившись лёгким покалыванием.

Под нами проплывали бескрайние леса, похожие на зелёное море, сменявшиеся пиками неприступных гор и величавым безмолвием пустынных равнин.

Раньше мир смертных вызывал у меня трепет.

Сейчас — ничего не изменилось.

Вскоре белые кучевые облака сомкнулись, и Хуюй направила нас в густую пелену тумана.

Марево было настолько плотным, что я едва различал очертания собственной спутницы. Если бы она не держала меня за руку, я бы мгновенно потерялся в этом молоке.

Наконец впереди, за белой завесой, замерцали неясные огни.

— Пришли, — раздался голос Хуюй. — Это и есть бессмертный пруд Цзинчжэнь.

Стоило нам коснуться земли, как туман чуть рассеялся, оставшись лишь тонкой кисеей на уровне колен. В нескольких шагах перед нами раскинулась гладь пруда — вода в нём была прозрачной, словно жидкий хрусталь. Окружённое изумрудной зеленью и окутанное божественной дымкой, это место казалось воплощением безмятежности. Истинная обитель небожителей.

Впрочем, мы прибыли сюда не пейзажами любоваться.

Убедившись, что вокруг ни души, девчонка потащила меня к самой кромке воды:

— Вот он, пруд. Быстрее, опускай сестру в воду.

Я кивнул и попытался снять цветок, но тот впился в меня намертво. Пришлось собрать волю в кулак и буквально вырвать его из собственного мяса.

Лицо моё побелело от боли. Я бросил окровавленный пион в воду, и брызги попали на мою рану. К моему изумлению, кожа тут же затянулась, не оставив даже шрама.

Пока я стоял с открытым ртом от удивления, Хуюй прошептала заклинание и бросила в пруд сохранённый корень Цзаньби.

Но не успели мы перевести дух, как с небес обрушился яростный голос:

— Кто посмел осквернить Бессмертный пруд Цзинчжэнь?!

Я ожидал увидеть какого-нибудь многорукого стража с клыками до колен, но перед нами предстал статный молодой господин в бирюзовых одеждах. Его волосы были собраны в безупречный узел, в руках он сжимал нефритовую флейту, а на золотом поясе висел кусок кровавой яшмы. Он смотрел с едва сдерживаемым гневом.

Хуюй испуганно прижалась ко мне и зашептала:

— Это Бессмертный Цзинкоу.

Чуя недоброе, я начал медленно отступать, но тут за нашими спинами, словно из ниоткуда, вырос ещё один мужчина — точная копия первого, только в белоснежных одеждах. Его пояс украшала вторая половина той же яшмы. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел бесстрастно.

— А это Бессмертный Чжэньмин, — добавила девчонка.

— Чжэньмин, ты ведь знал, что они здесь! Почему не остановил? — Гнев Цзинкоу, как ни странно, был направлен не на нас. Он вскинул флейту, глядя на брата.

Тот лишь тонко улыбнулся:

— Остановил? Не смейся. Ты скоро покидаешь это место, и дела пруда тебя больше не касаются. Какая тебе разница, что я делаю?

— Ты до сих пор злишься на меня? — Цзинкоу едва не задыхался от возмущения.

— И в мыслях не было, — отозвался Чжэньмин с ледяным спокойствием.

После этого он просто растворился в воздухе, оставив брата в одиночестве.

Мы с девчонкой синхронно попятились, надеясь улизнуть, пока хозяин занят своими переживаниями, но Цзинкоу мгновенно переключил внимание на нас:

— Куда собрались, отродья?!

Он вскинул руку, и какая-то неведомая сила подбросила нас в воздух, а затем резко приложила о землю. Кости едва не рассыпались в труху.

Потирая ушибленное плечо, я не выдержал. Гнев затопил разум.

— Какое ещё «отродье», придурок?! Сам ты нечисть! Зачем так швырять-то?!

Цзинкоу замер. Он медленно подошёл ко мне, схватил за ворот и всмотрелся в моё лицо. Он узнал меня, и в его взгляде вспыхнуло презрение, перемешанное с ледяной неприязнью.

— Так это снова ты! — прошипел он.

«Что — снова?»

Я попытался разжать его пальцы, вцепившиеся в мою одежду:

— Кончай заикаться, отпусти сейчас же!

Он коротко, зло расхохотался и швырнул меня обратно в пыль:

— Слышал я, что тот малец в итоге обернулся против тебя. Видимо, жизнь тебя ничему не учит... — он покосился на Хуюй. — Всё продолжаешь якшаться с демоническим отродьем.

«Малец? Отродье? Обернулся против меня?»

— Слушай, приятель, у тебя с головой всё в порядке? — я почувствовал, как лицо сводит судорогой. — Ты меня явно с кем-то путаешь. Я тебя в жизни не видел... вроде как.

Цзинкоу смотрел на меня сверху вниз с замешательством и глубокой обидой.

В этот момент над водой вспыхнул нежно-лиловый свет. Бессмертный резко обернулся, явно намереваясь выловить Цзаньби из пруда, но Хуюй, поняв его намерение, бросилась ему в ноги и намертво вцепилась в щиколотку.

— Не трогайте её! — взмолилась она. — Она умрёт, если вытащить её сейчас!

Цзинкоу лишь брезгливо поморщился и коротким импульсом магической силы отшвырнул девчонку в сторону.

— Я уже предупреждал тебя в прошлый раз, — бросил он. — Но ты не унимаешься. Снова притащилась осквернять пруд Цзинчжэнь... Жалкое насекомое, сколько в тебе наглости!

Видя, как Хуюй скорчилась от боли, я окончательно потерял самообладание. Подскочив к Цзинкоу, который уже готовился сотворить заклинание над водой, я со всей дури отвесил ему знатный пинок под зад. Бессмертный, не ожидавший такой низости, с гулким всплеском улетел прямо в центр пруда.

Глядя на разлетающиеся брызги, я не сдержал победного хохота:

— Ха-ха-ха! Так тебе и надо! Будешь знать, как слабых обижать!

Я помог Хуюй подняться. Тем временем из воды выбрался насквозь промокший Цзинкоу. Его лицо было чернее тучи, а на лбу вздулись вены.

Но моё торжество мгновенно испарилось, когда я увидел, что в кулаке он сжимает тот самый иссиня-чёрный пион.

Хуэй рванулась к нему, но Бессмертный преградил ей путь и снова отбросил взмахом рукава. На этот раз она ударилась головой и потеряла сознание.

Цзинкоу медленно направился ко мне, глядя с ненавистью.

Я взглянул на цветок в его руке и нахмурился:

— Разве небожители не славятся своим милосердием ко всему живому? Ты и впрямь собрался совершить убийство?

Он остановился прямо передо мной и с силой сжал кулак.

— У неба действительно есть добродетель любви к жизни, вот только... — он поднёс руку к моему лицу. Лепестки пиона, только что мерцавшие лиловым, под его пальцами начали стремительно темнеть. Он буквально перетирал цветок в кашу. —...только эта безродная демоническая трава давно должна была сдохнуть. Я лишь помогаю ей поскорее отправиться в круг перерождения.

Цзаньби мне никогда не нравилась. Но видеть, как её убивают вот так — превращая в грязь прямо у меня на глазах, — было невыносимо. И сделал это тот, кто считал себя праведником. Гнев, чистый и обжигающий, ударил мне в голову. Кулаки сжались сами собой.

Я вскинул голову, встречая его взгляд:

— Значит, ты, имея возможность спасти её, предпочёл стать палачом?

— Сочувствуешь нечисти? — его улыбка стала по-настоящему жуткой. — Неудивительно, что даже Цин-ди счёл тебя скверной...

Эти слова ударили сильнее любого заклятия. Словно на меня ушат ледяной воды вылили. Я застыл, не в силах вымолвить ни слова.

«Цин-ди... считает меня скверной?»

— Заткнись, — выдохнул я, чувствуя, как внутри всё холодеет. — Хватит нести чушь.

Он лишь насмешливо вскинул бровь:

— С чего бы мне лгать?

Я вцепился взглядом в его лицо:

— Ты просто мелешь языком! С чего бы... с чего бы Великому бессмертному Цин-ди считать меня грязью?!

— А ты сам как думаешь? — издевательски бросил он.

— Да я не знаю!

Я сорвался на крик, окончательно потеряв контроль, и замахнулся для удара.

Я твердил себе, что это ложь, пустая провокация, но сердце ныло. Цин-ди был моим кумиром, моей мечтой. Его улыбка дарила мне надежду, он был так близко...

Он был так добр ко мне, что я, в своём ослеплении, посмел вообразить, будто симпатичен ему.

А он... он презирал меня?

Я уже готов был вцепиться Цзинкоу в глотку, требуя объяснений, но чья-то мощная рука ухватила меня за ворот сзади. Не успел я обернуться, как на мою макушку обрушился увесистый удар кулаком.

От этой знакомой до боли затрешины в глазах посыпались искры, а из горла вырвался невольный вскрик.

Потирая голову, я обернулся и замер, уставившись на знакомую клочковатую седую бородку и вечно недовольную физиономию.

— Фэн-бо? — ошарашенно пролепетал я.

Над безмолвным прудом Цзинчжэнь раскатился громовой рык:

— Паршивец! Тебе что, жрать нечего, раз ты на рожон лезешь?!